

К расшифровке эпонима Сосруко

А. К. Вороков

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
360010, Россия, Нальчик, ул. Балкарова, 2

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантики и этимологии имени Сосруко/Сасрыко (адыг.: Саусырыкъо, каб.: Сосрыкъуэ) – одного из ключевых персонажей нартского эпоса. Препятствия в разрешении этой проблемы часто возникали из-за стремления некоторых ученых интерпретировать его посредством слов современного языка, без учета архаизмов и конкретно-исторической обстановки, в которой зарождалась мифология. По этой причине их толкования оказались весьма неоднозначными и разноречивыми. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что оно во многом проясняет лингвокультурные, этимологические, исторические и этнографические аспекты проблемы, что в свою очередь открывает новые перспективы для изучения традиционной культуры народов Северного Кавказа. Терминология эпоса восходит к глубинам древности и не может трактоваться исходя только из реалий современного социума и лексики. В народных сказаниях *Сосруко/Сасрыко* означает «Сын камня». Сообразно этому и посредством термина «сос» (устар. «камень») старались объяснить это имя адыгские нартоведы. В свете новых исследовательских подходов становится возможным обосновать их доводы как наиболее достоверные. Методологическим основанием данной статьи выступают принципы историзма, системного и этнолингвистического подходов, ретроспективный метод и сравнительно-исторический анализ. Новизна постановки задачи позволяет проследить семантическую эволюцию формантов *ша/са/со*, которая предопределена историческим переходом человечества из каменного века в век рудной металлургии. Соответственно, результаты межъязыковых лексических сопоставлений коррелируют с данными широкого спектра научных дисциплин. Согласовываются позиции сторонников солярной и петрогенной интерпретаций эпонима Сосруко. Для более доступного фонетического восприятия и наглядности многие адыгские слова приводятся в кириллической транскрипции.

Ключевые слова: нартский эпос, Сосруко, адыгский язык, архаичные слова, каменный век, век металла, семантическая эволюция слов

Поступила 28.11.2022, одобрена после рецензирования 12.12.2022, принята к публикации 14.12.2022

Для цитирования. Вороков А. К. К расшифровке эпонима Сосруко // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 6(110). С. 310–327. DOI: 10.35330/1991-6639-2022-6-110-310-327

Original article

To the decoding of the eponym Sosruko

A.K. Vorokov

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360010, Russia, Nalchik, 2 Balkarov street

Abstract. The article is devoted to the study of the semantics and etymology of the name of Sosruko/Sasryko (Adyghe.: Saucyryk, Kabardin.: Sosrykue) is one of the key characters of the Nart epic. Obstacles in solving this problem often arose due to the desire of some scientists to interpret it through the words of the modern language, without taking into account archaisms and the concrete historical situation in which mythology was born. For this reason, their interpretations turned out to be very ambiguous and

contradictory. The relevance of this study is due to the fact that it largely clarifies the linguistic, cultural, etymological, historical and ethnographic aspects of the problem, which, in turn, opens up new prospects for studying the traditional culture of the peoples of the North Caucasus. The terminology of the epic goes back to the depths of antiquity and cannot be interpreted based only on the realities of modern society and vocabulary. In the folk tales of Sosruko/Sasryko means "Son of Stone". Accordingly, and by means of the term "sos" (obsolete. "stone"), the Adyghe narthologists tried to explain this name. In the light of new research approaches, it becomes possible to substantiate their arguments as the most reliable. The methodological basis of this article is the principles of historicism, systemic and ethnolinguistic approaches, the retrospective method and comparative historical analysis. The novelty of the problem formulation allows us to trace the semantic evolution of sha/sa/co formants, which is predetermined by the historical transition of mankind from the Stone Age to the Age of ore metallurgy. Accordingly, the results of interlanguage lexical comparisons correlate with data from a wide range of scientific disciplines. The positions of supporters of solar and petrogenic interpretations of the Sosruko eponym are coordinated. For more accessible phonetic perception and clarity, many Adyghe words are given in Cyrillic transcription.

Keywords: Nart epic, *Sosruko*, Adyghe language, archaic words, Stone Age, Metal Age, semantic evolution of words

Submitted 28.11.2022,

approved after reviewing 12.12.2022,

accepted for publication 14.12.2022

For citation. Vorokov A.K. To the decoding of the eponym Sosruko. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2022. No. 6(110). Pp. 310–327. DOI: 10.35330/1991-6639-2022-6-110-310-327

Имя одного из самых ярких героев нартского эпоса Сосруко звучит примерно одинаково, с вариантами на разных языках народов Кавказа, что позволяет признать вероятность единого истока происхождения образа самого героя. Кабардинское имя героя *Сосрыкъуэ*, в разговорной речи оно часто произносится как *Сасрыкъуэ*; адыгейское – *Саусэрыкъо/Саусырыкъо*; абхазское – *Сасрыква*; осетинское – *Созрук/Сослан*; карачаево-балкарское – *Сосурук*; ингушское – *Сеска, Солса*; чеченское – *Соска, Солса*. В кабардинских словарях *sos* означает устар. «камень» или устар. «порода камня»; при этом приводится цитата из текста сказания, объясняющая происхождение этого имени: «[Шалэ цыкъур] *sos* мывэм къыдахати «Сосрыкъуэ» флэтицац, – жилац Сэтэней» [1, с. 403; 2, с. 239; 3, с. 29]. Перевод: «[Мальчика] достали из *sos* камня, поэтому Сосрыкъуэ называли, – сказала Сатаней». Казалось бы, ответ простой – Сосруко означает «сын соса», т.е. камня, а точнее, какой-то его особой разновидности *sos*, поскольку в повествовании слово *мывэ* (каб.: «камень») – нарицательное. Однако до сих пор среди исследователей нет единого мнения по данному вопросу. Видимо, предыдущее толкование не прижилось из-за недостаточности материала: отсутствия других примеров с употреблением лексемы *sos* в языке, а также определения, указывающего на конкретный вид этого камня. При этом не учитывается, что это слово устаревшее. Поэт и ученый-языковед Б. И. Куашев отмечал: «Слово «сос» или «сэху» означает камень, а «ко» (къуэ) – сын. Значит, Сосрыкъуэ – сын камня» [4, с. 168]. Далее автор развивает свои суждения: «Существует много попыток объяснить сущность Сосруко как солнечного культа, как бога солнца. Нам кажется более научным объяснение рождения железного Сосруко из камня как фантастическое отражение добычи железа из руды. Вообще же Сосруко – народный герой, которого народ облачил в чудесные доспехи мифологии» [4, с. 170]. Эту же мысль более рационально высказывает другой ученый – писатель и фольклорист А. Т. Шортанов: «В образе Сосруко мифологические элементы переплетаются с реалистическими» [5, с. 20]. Он же указывает на параллель рождения героя из камня и процесс выплавки металла [5, с. 18–19].

В. Ф. Миллер, Ж. Дюмезиль, В. И. Абаев и другие иранисты усматривают в некоторых нартских сюжетах сходство в быте и обычаях предков осетин, скифо-сармато-аланских племен, позиционируемых как прямые предки осетин I тыс. до н.э., которые, по их мнению, стояли у истоков пронартской мифологии и заложили ядро эпоса; при этом родиной эпоса называют южнорусские и северо-кавказские степи, имея в виду, что эта территория исторически была заселена ираноязычными племенами [6, с. 191–207; 7, с. 151–166; 8; 9, с. 17;

10, с. 79]. Однако скифо-сармато-аланские общества были разнородны и разноязычны. Племена, которые стали называться аланами, жили в северо-кавказских степях издавна; в состав аланского конгломерата племен входили и синдо-меоты, а в состав сарматского союза племен – в частности, многочисленный адыгский субэтнос хегаки. Некоторые исследователи не принимают в расчет, что прямыми потомками родственных прикубанской, меотской археологических культур, кобано-колхидской этноязыковой общности (II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) являются адыго-абхазы [11, с. 514, 515, 665]. Представители этих культур засвидетельствованы столетиями раньше появления на исторической арене скифо-сармато-алан. Имеется ряд указаний на то, что они составили этническое ядро в формировании последних, чьи антропологические типы, быт, обряды, культы (в т.ч. и культы огня и меча), фольклор, вооружение в основе унаследованы у автохтонов – кавказцев и, в частности, у меотов. Эту точку зрения отстаивают многие видные ученые. Так, если историк и археолог В. А. Кузнецов утверждает, что местное аборигенное население «оказывало всевозрастающее воздействие на антропологический тип, язык, культуру алан» [12, с. 147], то характерно высказывание и осетинского ученого-историка Ю. С. Гаглойти: «В период зарождения первоначального ядра эпоса, как и в период формирования и развития нартских сказаний, скифы и сармато-аланы были такими же кавказцами, как и другие кавказские народы» [13, с. 73]. Присутствие ираноязычных элементов на Кавказе ограничивается только пределами гор Центрального Кавказа, без какого-либо существенного влияния в степной зоне, издревле населенной автохтонами – хранителями традиций бронзового века.

В обоснование генетической связи нартского феномена с индоевропейским сообществом Ж. Э. Дюмезиль выдвинул теорию о трехчастной структуре мифологии древнейших индоевропейских народов и соответствующей функциональной системе (жреческой, военной и хозяйственной), соотносимой с делением нартского общества на три рода. Подобное устройство общества не является прерогативой индоевропейцев. Оно было характерно для социально-культурного и хозяйственного уклада жизни разных этнических образований, в том числе и для представителей майкопской культуры и более позднего адыго-абхазского социума, в прошлом функционировавшего на основе принципов военной демократии. Кроме того, неотъемлемым воинским атрибутом нартвов-богатырей были металлические доспехи и оружие, по большей части железные. По мнению авторитетных авторов, в числе которых В. В. Иванов, В. Г. Ардзинба и другие, основоположниками металлургии железа были хатто-адыго-абхазы [14, с. 263–306; 15, с. 76–84], которые первыми изготавливали металлические предметы, оружие и снаряжение, а значит, и первыми экипировали ими своих воинов-нартвов.

Оттеняется и тот непреложный факт, что действия и события мифологии разворачиваются на Северном Кавказе с упоминанием Черного моря, Кубани, Терека, вдоль побережья которых с глубокой древности проживали адыго-абхазские племена, что проливает свет на важные аспекты исследуемой проблемы.

Форму *Созруко* Ж. Э. Дюмезиль, М. С. Туганов, В. И. Абаев и др. представляют как «адыгизацию» имени *Сослан*, рассматривая его как тюркское (ногайское) по происхождению, засвидетельствованное на осетинской почве с XII века. Если же это имя появляется только в новую эру, и к тому же оно отождествляется с исторической личностью осетинского царевича Давида Сослана, мужа грузинской царицы Тамары, то архетип героя-богатыря Сасрыко/Сосруко значительно древнее. Он восходит, по широкому признанию, к эпохе неолита (энеолита). Именно в адыго-абхазском эпосе усматривают наиболее архаичные нарративы и наслоения Е. М. Мелетинский, Дж. Коларуссо, А. М. Гадагатль, Ш. Д. Инал-ипа, А. М. Гуттов, Ш. Х. Салакая и др.

Каких-либо предпосылок военного или социально-культурного характера для перехода имени Сослан к адыгам и его «адыгизации» в форме Сосруко не установлено. Не выявлены и отголоски имени Сослан в адыгской мифологии. Придерживаясь исторических хронологий, осетинский ученый Ф. М. Таказов констатирует: «Связь осетинского «Сослана» с его кавказскими вариантами «Сосруко, Сасрыква, Сосурук, Саусэрыко» несомненна. Но маловероятно,

что осетины могли перенять «suslan-» у ногайцев, пришедших на Северный Кавказ в середине XVI в., и, в свою очередь, передать адыгам, а те уже в адыгизированном виде распространить по всему Кавказу, т.к. осетины к тому времени были заперты в горах и не имели контактов с адыгами до тех пор, пока последние не пришли вместо ногайцев на среднекавказскую равнину. При этом имя Сослан у осетин фиксируется в письменных источниках XII в.» [16, с. 59]. В данном контексте уместно пояснить, что исторически уцелевшие адыги всегда возвращались не на «бесхозные» или «чужие» земли, а на свои исконные места, откуда ранее вытеснялись теми или иными кочевниками, например, в ходе их миграций в связи с гуннским нашествием или хазарской смутой. Появление имени Созрук у осетин в новую эру не является результатом поздней экстраполяции в их лексику «окабардинившегося» имени Сослан. Образ героя в сказаниях о Сосруко/Созрук – это только сегмент одного цикла из всего фольклорного наследия, изначально привнесенного в культуру народов Кавказа, в частности в осетинскую мифологию, ассимилированной, осетинизированной частью автохтонного населения.

Доводы Ж. Э. Дюмезиля, В. И. Абаева, А. К. Хашба и др. о солнечной природе Сосруко/Сослана, происхождение которого из камня якобы указывает на черты солнечного божества героя, о чем говорит, в частности, и его женитьба на дочери Солнца, на первый взгляд, выглядят иллюзорными. Однако мнения сторонников солярной и петрогенной трактовки имени нарта имеют точки соприкосновения и отчасти пересекаются. А. Т. Шортанов замечает: «В Сосруко можно усматривать своеобразный символ огня и металла» [5, с. 19]. Так, по внешним признакам («он раскалялся, он пылал огнем») можно усматривать причастность героя к огню, солнечному светилу как одно из проявлений его свойств. С другой стороны, нарт назван сыном камня, а не солнца; он рожден и закалялся как металл на земле. Откровенная атрибуция огня и солнца в нартской терминологии («нарт», «Сосруко» и др.) у иных народов – это уже свойство более поздних, исполненных в еще более пафосном духе интерпретаций эпоса. Сам культ сияющего бога Солнца *Txanc* в яркой символике засвидетельствован у протоадыгов как в архаическую эпоху, так и в более поздние периоды кобано-колхидской и меотской культур. На адыгский оригинал мифологии наложилась осетинская версия; произошел резонанс, который придал последней известный размах. *Нартская мифология проникала в ираноязычную среду осетин параллельно и синхронно с процессом их этногенеза, в котором с очевидностью обнаруживаются кавказский субстрат и возобладавший в языке иранский компонент. Двойственный характер мифологии, где рядом с адыгскими героями нартского эпоса соседствуют проиранские (осетинские) персонажи, – яркое и наглядное тому подтверждение.*

Концепции и доводы иранистов и тюркологов по ряду основополагающих вопросов нартской тематики оспариваются со стороны авторитетных ученых, таких как Е. И. Крупнов, Е. И. Чичеров, Е. М. Мелетинский, А. А. Петросян, М. Г. Аутлев, У. Б. Далгат, В. К. Гарданов, А. А. Аншба и многих других. Противоречивость их взглядов по принципиальным вопросам обстоятельно анализируют и проясняют М. А. Кумахов и З. Ю. Кумахова в монографии «Язык адыгского фольклора» [17, с. 81–101]. Исследуя основные доводы оппонентов и давая им соответствующую, компетентную оценку, А. М. Гутов приходит к резонансному заключению: «Трудно предположить, что именно эти атрибуты индоиранской или же тюркско-монгольской общности стали основой сложения нартского эпоса – явления сугубо кавказского по характеру и природе» [18, с. 95].

В имени *Сасрыко*, как можно полагать, *Саср* имеет значение «жгучий, горячий камень», где *са* (камень) является существительным, а *ср* (жгучий, пылающий) – определением. А. М. Гадагатль усматривает в наименовании (в характеристике) нарта словарное *сыр* – *ср* как означающее «острый, жгучий, горький, горящий, пылающий» [19, с. 197, 203, 205, 207]. Это согласуется с описаниями нарта: «он раскалялся, он пылал огнем»; «он становился все горячее»; «пылающий камень»; «...выпал из сердцевины камня пылающий ребенок»; «тело этого

мальчика пылало»; «она (Сатаней) обожгла себе руки» об ребенка; он ей «прожог подол»; бог-кузнец Тлепш (корр. – Лепш) «окунал раскаленного ребенка в воду»; он закалял его «до тех пор, пока тело ребенка не превратилось в булат» [20, с. 47], т.е. сталь, клинок. Конечная морфема *кьо/кьюа* означает «сын», и в подобной форме она представлена в имени нарта (как и у адыгов) в фольклоре других народов Кавказа. По этому поводу карачаевский фольклорист М. А. Хабичев замечает: «-Ква. Этот элемент встречается в карачаево-балкарских собственных именах. Исторически он носил семантику «сын», был заимствован у адыго-абхазских языков... Данное слово соответствовало и древнекарачаево-балкарскому слову *укь, окь* «сын». В силу этого в собственных карачаево-балкарских именах оба элемента использовались параллельно: *Асланукь – Асланукуъа, Иналукь – Иналукъуа, Сосрукь – Сосрукъуа*» [21, с. 136].

При этом важно различать в мифологии приемного отца по имени *Сос*, которого М. А. Кумахов относит «к инновации, т.е. позднему периоду» [22, с. 501] и *Сосруко/Сасрыко* – изначально сына камня.

Составное слово *сас*, даже само по себе, означает в современном адыг. переводе «горящий нож», где конечная «с» – редуцированная причастная форма от *сын* (гореть). Для сравнения, слово *льын* (точить) в конце определяемого слова тоже приобретает лаконичную форму – *ль* (например, *саль* – «точильный камень; оселок»). Тогда фонема «р» в термине *Сасрыко* может выполнять соединительную функцию, как, например, в слове *тхъэрыкьуэ – тхасруко* (голубь). То есть в данном случае семантика слов *сас* и *саср* тождественна. Примечательно, что и в омониме *сас* (каменная соль в больших кусках) конечная «с» означает «острый на вкус» – свойство соли, как указано в словаре С.И. Ожегова. Если же адыгское словарное *сас* по свойству вкуса (соли) может означать букв. «камень острый», то омоним *сас* по свойству огня – «камень горящий». Так как диалектные слова *мывэ/мыжъо* (камень) в имени *Сосруко* не заложены, это значит, что речь идет о каком-то особом камне, имеющем отношение к имени нарта и который в кабардинской версии эпоса и в словаре назван устаревшим *сос*. Тогда это либо метеорит, либо железная руда.

Совершим небольшой экскурс в архаичный мир. Металлические изделия из меди, бронзы, а позже и железа человек производит (выплавляет) только последние 8 – 9 тысяч лет. До этого история человечества уходит корнями в необозримо далекое прошлое, которое приходится на каменный век палеолита и мезолита (заметим, что этот век атрибутирован словом «камень»). *Если мысленно погрузиться в те доисторические эпохи, то выясняется, что предки человека предстают самыми незащищенными и уязвимыми созданиями среди окружавших их хищников, вооруженных большими и острыми когтями, клыками и рогами. На протяжении всего этого периода камень играл неоценимую роль для выживания человеческой ветви. Используя его, предки получили преимущество в противоборстве с разнообразными представителями дикой фауны. Рубила, ножи, копья, дротики, микролиты, наконечники стрел и копий, изготовленные из камня, использовались как для защиты, так и нападения на животных во время охоты, с целью добычи пищи. В тех редких местах, где не было камня, люди использовали рога, кости, когти животных и их челюсти с зубами. Адыг. *дзаса* – букв. «зуб-нож» мог означать зубчатые каменные и костяные орудия, осколки, в т.ч. микролиты мелких размеров. То есть человек уже распознавал и классифицировал камни по их основным свойствам и полезным для него качествам. Технология обработки камней со временем совершенствовалась. Некоторые образцы примитивных ножей, рубила, скребков из камня, вкладышей и др. (с рубяще-колюще-режущими свойствами) природы «преподносила в дар» в их естественном состоянии. Такого рода камень и нож были тождественными понятиями в архаичных представлениях древних, т.е. неотъемлемыми признаками подобных камней были именно вышеуказанные свойства. Такие камни (резак, рубила и др.) в большинстве своем становились рукотворными (рис. 1, 2).*

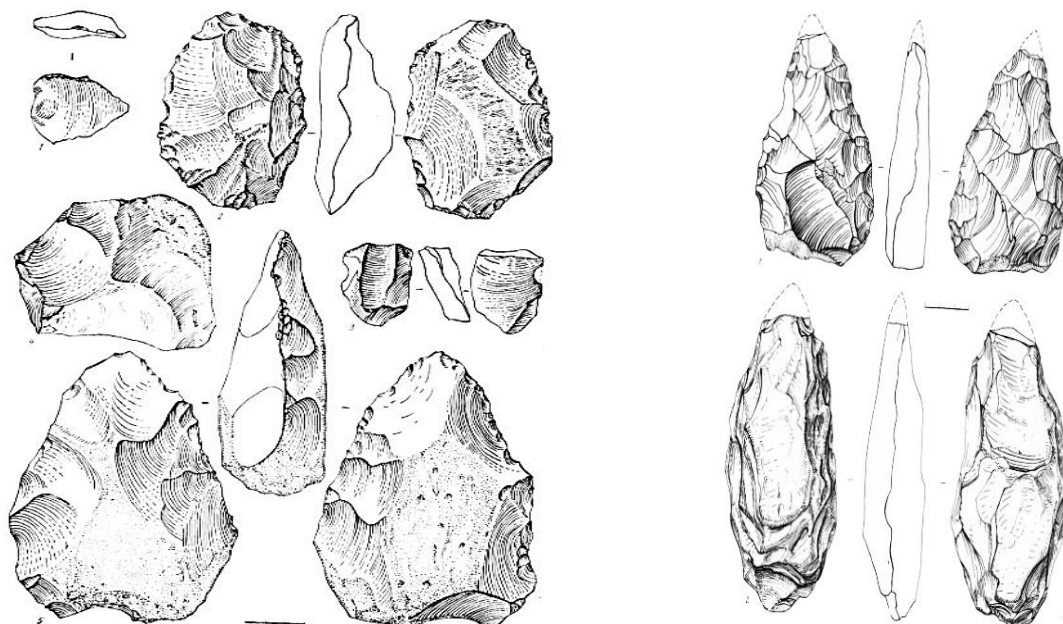

Рис. 1. Слева – ашельское местонахождение Игнатенков куток в Прикубанье. Образцы каменных орудий (по С.Н. Замятнину); справа – ашельское местонахождение Абадзехское в Прикубанье. Бифасы (по П. У. Аутлеву)

Fig. 1. On the left, the Acheulean locality of Ignatenkov Kutok in the Kuban region. Samples of stone tools (according to S.N. Zamyatnin); right - Acheulean locality Abadzekhskoe in the Kuban region. Bifaces (according to P. U. Autlev)

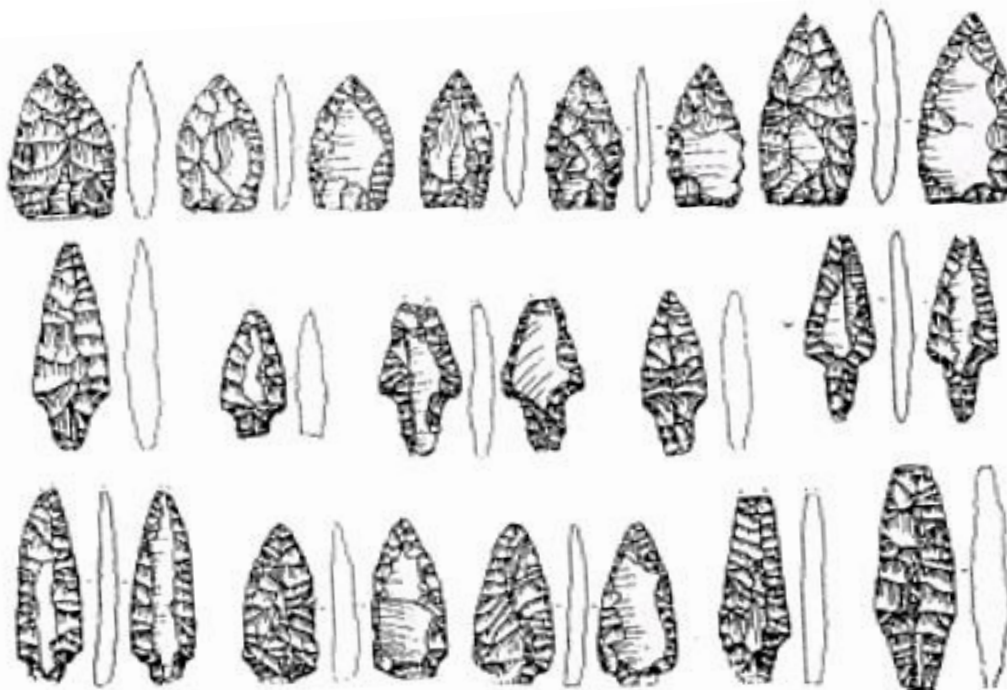

Рис. 2. Мешоковские каменные орудия Прикубанья эпохи энеолита и ранней бронзы (Раскопки А.Д. Столяра и А.А. Формозова. 1958–1964 гг.; фрагмент по С.М. Остащинскому. 2004)

Fig. 2. Meshokov stone tools of the Kuban region of the Eneolithic and Early Bronze Ages (Excavations by A.D. Stolyar and A.A. Formozov. 1958–1964; fragment according to S.M. Ostashinsky. 2004)

На протяжении целых исторических эпох нож был каменным. Куски камня, сколы (отщепы, пластины) определенных пород камней в первобытном сознании ассоциировались прежде всего с рубилом, камнем-резаком в отличие от других видов камней, хотя округлые булыжники использовались как орудие труда, оружие *Ищэ – аща* и снаряд *шэ – ша*. Различали и породы, из которых высекали искру и получали огонь: адыг. *щтаукI, щтауч/стауч* (кремень). Однако в сравнении с архаичными адыг. *дза/ца* (зуб), *ха/шха* (голова, существо), *а* (рука), *на* (глаз), *шы/чы* (земля), *псы* (вода) и др., сохранившими свою семантику, *технологический прорыв обусловил преобразование лексических единиц «ша/са»* (снаряд, нож и т.п.) *из каменных значений в металлические.*

О некоторых свойствах и особенностях как железных, так и железокаменных метеоритов, металлоносных руд, горных пород вулканического и магматического происхождения, древние могли иметь представление задолго до искусственной выплавки металла. Для подтверждения сказанного приведем некоторые поясняющие цитаты: «...Не будет большим преувеличением сказать, что история человеческой цивилизации в последние 10–12 тысяч лет по существу определяется развитием металлургии»; «...Несомненно, что на протяжении эпохи «тесаного камня» у наших предков было достаточно времени для овладения примитивными методами металлообработки, т.е. прежде всего приемамиковки (пластической деформации) металлов в холодном состоянии» [23, с. 14]; «Слова, которые теперь переводятся как «железо» или «медь», в древности означали «камень» (минерал), «руда», «продукт плавки» [23, с. 174].

М. И. Зильберман усматривает определенную связь между слогом *сол* в наименовании нарта у чеченцев и индоевропейскими словами, означающими небесное светило: русс. – «солнце»; латин. – «sol»; др-сканд. – «sol»; исланд. – «solinni»; «saul» – у латышей-балтов. В определенной связи рассматривает и сопоставляет мифонимы и В. И. Абаев: «Ингушские и чеченские варианты создавались, по-видимому, под влиянием как осетинских, так и адыгейских. В этом отношении характерно имя популярнейшего в них героя Соска-Солса, где первая часть (Соска) примыкает к адыгейскому Сосруко, а вторая (Солса) – к осетинскому Сослан» [24, с. 27, 28].

По всей видимости, индоевропейские и тюркские слоги «сос/сол» происходят от кабардинского «сос» – модификации адыго-абхазского «сас». Из сложного адыг. эпонима Сасырыко/Сосруко была заимствована как начальная часть «сос/соср», так и конечная – «кьо/кьюэ» (ко/ка). Отвергая первичность Сослана к форме Сосрыкьюэ (Сосрыко), М. А. Кумахов отмечал: «...На данном этапе изучения нартской ономастики не представляется возможным этимологизировать элемент Соср; остается совершенно очевидным тот факт, что осетинское Сосл ближе стоит не к исходной (? – М. Дж.) адыгской форме Сэуэсыры, а к позднему ее видоизменению Соср» [22, с. 500, 502], т.е. к кабардинской. При этом обращает внимание связь чеченского Соска с кабардино-черкесским словарным сос (порода камня) и кьо (сын). То есть Соска и Сосрукьо – тождественные понятия, поскольку вторая фонема «с» (в слове Соска) является причастием «горящий, полыхающий», производным от глагола сын – сн (гореть), а сыр – ср в имени Сосрукьо – прилагательное «жгучий, полыхающий» (если не считать формант «р» соединительным). Подобные сходства обнаруживает и ингушское наименование нарта – Сеска – Солса. Таким образом, лексический переход Соска – Солса может оказаться связующим между соответствующими черкесскими терминами, с одной стороны, и индоевропейскими и тюркскими – с другой.

Привлекает внимание карачаево-балкарская интерпретация исследователей И. И. Алиева и З. И. Алиевой мифонимов Сослан, Сосурукь, где Сослан в карач., а Состур в балк. означает «гранит»; улан (сын); урук (семя). То есть Сосурукь – «Сын гранита» [25, с. 116; 26, с. 78]. Не менее любопытна и версия Ф.М. Таказова, согласно которой «корень сос- есть и в осетинском языке. Этот корень встречается в словах сосдор «пемза» (от сос- + дор 'камень'), сосаен «жара, жаркий летний период» (от сос- + суффикс –æн)» [16, с. 60]. В подобном ключе своеобразное значение имеет и адыгское омонимичное сос (букв. «я – горю»); сахуэ (изгарина, гарь) и др.

Обе трактовки приближены к черкесскому оригиналу, но только формально и в самом общем виде. Гранит, хотя и камень, но не относится к металлоносным «небесным и земным» породам, а используется главным образом в качестве строительного, облицовочного материала. Не относится к ним и пемза – пористая, хрупкая, легкая вулканическая порода. Имя Сослан в новых сказаниях – это такая же инновация, как и Сосрыко по отношению к Саусэрыкьо. При этом, если в осетинском фольклоре Сослан – «солнечный» герой Нартиады, а в тюркском – «гранит», то адыгский *Сосрыко* – «булатный» крепыш, который происходит из железоносного (раскаленного) камня *сас*, с модифицированным еще в древности названием *сос*. Поскольку протокавказцы стояли у истоков металлопроизводства, то слово «са», означавшее определенные сорта камня с колюще-режущими свойствами, у них тысячелетиями раньше, чем у других народов, переосмыслилось в металлический нож. Когда на Кавказе были уже в ходу бронзовые изделия, представители урало-алтайской ветви находились еще на ранних стадиях неолита [11, с. 234–258]. Камень и оружие в их синкретических представлениях продолжали восприниматься в одном образе, как нечто равнозначное. Поэтому в семитских, индоевропейских, тюркских и других языках отголоски адыгских лаконичных слов *ша/са* (камень, заряд, нож и т.п.) в большей мере сохранились и перемежаются в значениях «камень», «нож», «металл».

Следует учитывать, что фонетическая близость букв (звуков) *ш* и *с* обуславливает возможность их взаимного перехода без потери смысла слова, например, переходы этих фонем усматриваются в вариантах адыг. слова *шэнызэ/сэнызэ* – «кромка ткани»; *самшир/шамшир* (индоиранская «сабля»); адыг. *саихо* и русс. *шаика*; *Хаттуса/Хаттуша* (столица древнехетт. державы); *Сатана/Шатана* (мать нартов); *Шауэй/Сауэй* (нарт). Сообразно этому адыг. морфемы *са/ша/шт* чередуются в однородных словах, обозначающих материалы и предметы каменного (изначально) и металлического происхождения, главным образом с рубящими и колюще-режущими свойствами. Наряду с такими словами, как *сарей* (каменная ограда); *сантх/сатх* (горка, холм); *самэн* (саман); *сас* (каменная соль в больших кусках); *саба* (пыль, в т.ч. каменная); *сап* (угольная пыль); *сах* (воротные столбы); *сама* (куча, ворох); *саль* (точильный камень); *саху мыва* (камень-известняк); *сытан* (разрезать); *са* (нож, булат, сталь); *сабля* (змеевидный нож, сабля); *саихо* (букв. большой нож); *саихоку* (клинок); *сажан* (перочинный нож); *садза* (лезвие), известны в употреблении и такие, как *ша* (снаряд, заряд); *шабза* (стрела); *шапсыхыкыча* (устар. стрела); *шаиха* (наконечник стрелы); *шамадж* (коса); *шамаджыжь* (устар. – «тесак»); *цтауч* (кремень); *шаху* (воск); *шэхуаццэ* (железный купорос); *цта* (край куска, осколка металла, которым высекают искру из кремня) и др. Кроме того, в адыгейском диалекте синонимами слова *са* (нож, булат, сталь) являются *шажый* (нож); *шыр*, *шылыч* (сталь, булат).

Приведем лишь краткий (беглый) список слов из лексики других языков, имеющих прямое или косвенное отношение к адыг. лаконичным словам – *са/ша/цта*. Русс. (часто укр., бел.) – *стена*, *ступа*, *сталь*, *сабля*, *шаика* (также расколотый кусок камня); *щербина* (зазубрина, углубление на ноже); *щербец* (меч); *шпага* (итал. – *spaga*); *штык* (нем. – *stich*); *шампур*, *тесак*, *секач*, *серп*, *коса*, *кромсать*; *праца*, старослав. – *прашма* (метатель камней) и др.

Термин «камень» в западноевропейских языках: англ. – *stone (rock)*; нем. – *stein*; дат. – *sten*; гол. – *steen*; исл. – *steinn*; В сев.-европ.: саамы – *сейд* (ворох камней). Термин «сталь»: англ. – *steel*; нем. – *stahl*; гол. – *staal*; дат., исл., нор. – *stal*. Термин «оружие»: англ. – *saber* (сабля); *sword* (меч); *saw* (пила) и т.п. Многие слова в индоевропейских языках, означающие металлические колюще-режущие предметы, включают фонему «с» (русс. – «с») и чаще в начале слова на примере англ. – *seicer* (тесак), *scythe* (коса), *sickle* (серп) и т.д.

На идише «камень» – *shten/штен*; на иврите «нож» – *sakin/сакин*. Персидские слова (включая афган., таджик., курд.) – *санг* (камень); *сэлах* (оружие, вооружение); сейф (меч, сабля); устар. *шушке* (сабля); устар. *саккин* (нож); *сэнан* (устар. острие копья, пики; пика); индо-иран. – *шамшир/самшир* (согнутая сабля); осет. *sirq/cerq* (меч); староассир. *sadwanum* (железная руда, гематит).

Шумер. – *шауру* и хурр. – *шаури* (оружие, нож); хетт. – *шарна* (коса); санскрит – *ашма*, *saila/шайла* (камень), *шастра* (нож, оружие); *шару* (стрела).

Адыг. слова (дополнительно) – *шауэр* (бьющий заряд); *шараз* (жало); *щабз* (резак). Обращает на себя внимание, что буквосочетания *st*, *sa* (*ca*), *š* (*c*), *ša* (*ша*) во многих евразийских языках продолжают оставаться основополагающими и стоят в префиксации слов, означающих как камень, так и железо, а также режущие-колющие предметы и оружие, изготовленные из него, что может указывать на взаимосвязь металла в его происхождении с горными, каменными (металлоносными) породами: англ. *stone* (камень), *steel* (сталь), *saber* (сабля) и др. Очевидно, что в вышеприведенных семитских и индоевропейских словах, означающих «камень», «железо», колюще-режущие предметы, заложены одни и те же элементы и корни, восходящие в глоттохронологии по крайней мере к эпохе шумеров. О преимуществах металлических изделий и рудий тысячелетиями ранее других народов уже было известно протокавказцам. Отечественный ученый А.С. Касьян отмечает, что сев.-кавказский праязык обладал «наиболее богатой металлургической терминологией среди других реконструируемых языков сравнимой хронологической глубины. С.А. Старостин постулирует шесть прасев.-кавказских названий различных металлов, что резко контрастирует, напр. с и.-е. праязыком, где восстанавливается лишь один узко-и.-е. термин *ai-es 'медь > бронза > железо' или со схожей ситуацией в прасемитском» [27, с. 187, 188]. Автор утверждает, что майкопская культура – это сугубо северо-кавказское явление, а сев.-кавказские языки наиболее архаичные из всех языков сино-кавказской макросемьи [27, с. 187]. То есть майкопская культура и нартский эпос не полиэтничны по своему происхождению. «Сев.-кавказский язык обладает наиболее богатой фонетической системой среди известных сино-кавказских (пра)языков. Сино-тибетские, енисейский, бурушаски, баскский и на-дене показывают более тривиальные системы. Подобное фонетическое упрощение должно объясняться как результат влияния несино-кавказских языков, с которыми сино-кавказские племена контактировали в течение своих переселений. Эти же соображения могут быть применены и к морфологии. Сино-тибетский, енисейский, бурушаски, баскский и на-дене демонстрируют явные морфологические следы контактов с соседними несино-кавказскими языками. Все это должно указывать на то, что сев.-кавказский праязык имел минимальные контакты с несино-кавказскими диалектами и относительно короткий миграционный путь от сино-кавказской прародины к современному ареалу сино-кавказских языков» [27, с. 178]. При этом исследователь, обращая внимание на морфологическую перестройку (изменения) языков нахско-дагестанской ветви, констатирует: «...Вост.-кавказская ветвь сев.-кавказской семьи показывает сдвиг от префиксальной морфологии в сторону суффиксальных систем (в отличие от более архаичной зап.-кавказской ветви, сохраняющей префиксацию в качестве основного морфологического принципа)» [27, с. 191].

Поэтому главная препона, из-за которой до настоящего времени не удавалась однозначная и верная интерпретация термина *Саусырыкъо/Сосрукъуэ* с тем, чтобы научно обосновать его этимологию, – это устоявшееся в течение последних тысячелетий представление людей (особенно кавказцев) о том, что «нож» – исключительно металлический (медный, бронзовый и, наконец, стальной) предмет обихода или оружие. Однако в архаичном сознании предков значительно дольше «нож» ассоциировался исключительно с камнем, костями и даже был синонимичен им. Очевидно, что формы каменных ножей явились прообразами металлических (рис. 3), которые позже изготавливались уже с ручьятками из различных материалов.

Судя по мифологии, в древности *ша/са* и диалектные *мывэ/мыжъо* в значении «камень» сосуществовали в адыгской лексике так же, как и некоторое время *ша/са* в значениях «камень-заряд-нож» и «нож» (металлический) – одновременно. По имеющимся сведениям, в эпоху майкопской культуры (IV–III тыс. до н.э.) наряду с металлическими предметами достаточно продолжительное время в обиходе использовались и каменные аналоги изделий [11, с. 234–235]. Постепенно диалектные *мывэ/мыжъо* (камень) стали вытеснять из употребления синкретическое *ша/са* (камень-заряд-нож), а свойства последних, в свою очередь, переосмысливались (уже безвозвратно) из каменных в металлические.

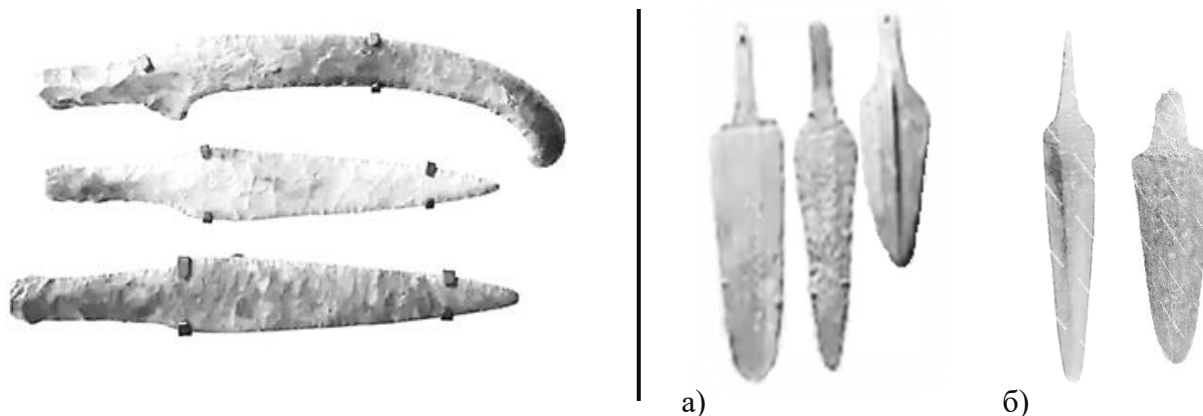

Рис. 3. Слева – каменные нож и кинжалы (Археологический музей, Дания); справа – бронзовые ножи и кинжалы майкопской культуры: а) 4 тыс. до н.э. (Государственный Эрмитаж, Россия); б) 3 тыс. до н.э. (Волгодонский эколого-исторический музей, Россия)

Fig. 3. Left - stone knife and daggers (Archaeological Museum, Denmark); on the right - bronze knives and daggers of the Maikop culture: a) 4 thousand BC. (State Hermitage Museum, Russia); b) 3 thousand BC (Volgodonsk Ecological and Historical Museum, Russia)

При этом тесак (обоюдоострый клинок) может быть металлическим или каменным, а «прут» – металлическим или деревянным. Исторически известно, что и поклонение женскому божеству некоторое время сосуществовало с солярным культом, до окончательного триумфа последнего. Архаичные *ша/са* как лаконичные слова, морфемы и словообразующие форманты продолжают сохраняться основополагающими в адыгских: *ша* – «заряд»; *са*, *шажый* – «нож»; *шамаджыжъ* – (устар.) «тесак»; *садза* – «лезвие»; *шабза* – «стрела» и в других словах, но уже в значениях металлических предметов. Поскольку человек осваивал металл, то *ша/са* (орудия, ножи, резак и т.п.) все чаще стали изготавливать из металла. Каменные изделия постепенно уступали место металлическим, но при этом продолжали использоваться вместе с медными и бронзовыми аналогами, часто доживая до эпохи железа.

«Трудно сказать, когда первобытный человек научился их (горные породы) различать, но то, что его излюбленным камнем на протяжении всего антропогена стал кремень, известно достоверно» [23, с. 14]. Показательно, что нарт Сосруко по тексту мифологии рос быстро; периной для него были камни, одеялом – небо, пищей – кремень [3, с. 30]. Это символизирует неоспоримые преимущества (победу) свойств железа над камнем, способного резать сам камень, в т.ч. и кремень (а не наоборот). Поэтому Сасрыко/Сосруко мог знаменовать собой переход человечества из каменного века в прогрессивный век металла или один из этапов такого перехода. Сегодня же создаются новые материалы, лазерная техника и нанотехнологии, металлокомпозиты, металлозамещающие материалы, высокопрочные и легкие, с улучшенными эксплуатационными свойствами и характеристиками; автомобильный транспорт пришел на смену лошади; сигнализация – собаке и т.п. С реалиями новой эпохи, с технологическими новшествами зарождалась и новая терминология, а вместе с тем преобразовывались значения и смысловые оттенки целого ряда старых слов.

Замечено, что адыг. фамилии и терминология, включающая в префиксации лаконичные *ша/са/шт*, достаточно распространены. Существительные и фамилии с приставкой *сос* в адыг. языке весьма редки. Фамилии же с корнем *мывэ/мыжъо* не выявлены. М. А. Кумахов, имея в виду относительно более древнее происхождение корня *са*, отмечает: «Итак, становится очевидным, что при выяснении исходной формы (следовательно, и этимологии) рассматриваемого имени нужно исходить из формы *Сауэсыры*. Форма *Соср* является вторичной, закономерно восходящей к *Сауэсыры*» [22, с. 500, 501].

Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что истоки адыгских лаконичных слов ша/са в большей мере восходят к архаичным глубинам каменного века, когда основным предназначением каменных предметов было их использование в качестве орудий и главным образом оружия, что было продиктовано насущной необходимостью сохранения человеческой ветви – инстинктом выживания в условиях агрессивной среды обитания.

Е. И. Крупнов считает создателями эпоса народы кавказской языковой семьи, а «наличие у осетин развитых циклов нартской мифологии служит доказательством их сугубо местного происхождения, а не пришлого» [28, с. 15–29]. Это, в частности, объясняет и двойственный характер осетинской мифологии. Рядом с древними адыгскими героями нартского эпоса, имена которых адаптированы в осетинской лексике: Сосруко (осет. – Созруко/Сослан); Сатаней/Сатана (осет. – Сатана/Шатана); Батраз (осет. – Батырадз); Хымьщ (осет. – Хамьщ); Шауэй (осет. – Саууай/Шаууай); Узырмадж (осет. – Уырызмаг) и др., соседствуют осетинские имена и персонажи: Уархаг, Ахсар, Ахсартаг, Ацырухс и др. Однако и эти последние имена не находят параллели у других ираноязычных народов. Также и В. И. Абаев рассматривает кавказские народы как аборигенов, на которых распространился осетинский язык [29, с. 481]. Если же принять во внимание и то обстоятельство, что имена центральных персонажей осетинской мифологии адыгского происхождения, то выводы ученых следует уточнить и конкретизировать. То есть то автохтонное население, на которое, как они считают, распространился осетинский язык в горах Центрального Кавказа, раньше представляли исконно адыго-абхазские племена. Установлены морфологические и лингвистические параллели в языках. Как замечает лингвист Б. Х. Балкаров, «несмотря на более тесный контакт между кабардинцами и осетинами на протяжении последних веков, осетинские формы отражают часто не современное, а более раннее состояние фонетики кабардинского языка – основы» [30].

Поскольку В. И. Абаев уверенно констатирует о «кавказском субстрате» в осетинском языке, логично заключить, что этот субстрат заложен и в осетинской мифологии, и культуре в целом (музыке, танцах и т.д.) как часть исторического адыго-абхазского культурного наследия, что является неоспоримым фактом. По этому поводу уместна цитата карачаевского просветителя У. Д. Алиева: «Все туземцы Северного Кавказа в одежде, оружии, домашней утвари, в постройке жилищ, в манере держать себя в обществе – словом, во всех проявлениях обыденной жизни рабски подражали кабардинцам. «Адыге-хабзе» (кабар. обычай) служил законом для них» [31, с. 17]. Эти слова автора предполагают, что и нартский эпос в порядке преемственности мог исторически обрести благоприятную почву и переложиться на языки других народов. Например, греки тоже трансформировали единые образы и наполнили их своим национальным содержанием, которое вместили и в тщательно отшлифованную народом свою национальную форму, то есть сделали их самобытным и оригинальным творением собственной культуры [32, с. 175, 176].

Подобная аккультурация, по-видимому, была обусловлена прежде всего существенным вкладом адыгской составляющей в генофонды народов Северного Кавказа в процессе их этногенеза и становления в разные исторические периоды. Согласно последним данным генетических исследований группы специалистов с участием Е. В. Балановской, А. Т. Агджоян, Н. А. Черкасова, Э. А. Почешховой и др., «абхазо-адыгская» компонента «обнаруживается во всех популяциях Северного Кавказа, возможно, фиксируя генетические следы обширных миграций носителей этой предковой компоненты в середине второго тысячелетия н.э., что не исключает генетическое наследие и более древнего субстрата в населении Северного Кавказа» [33, с. 54].

В свое время относительно немногочисленные индоевропейцы хетты-несийцы (*nesili*) целиком восприняли пантеон хаттских богов, при этом распространив свой язык на большинство аборигенного хаттского населения [11, с. 367]. Подобный сценарий разворачивался и в горах Центрального Кавказа. Адыго-абхазские (кавказские) и осетинский языки относятся к разным языковым макросемьям. Кавказские языки как наиболее архаичные, как правило, отступают и утрачиваются. Поэтому иранское наречие относительно немногочисленных его носителей распространилось на аборигенов – абхазо-черкесов. Сообразно тому, как хетты

унаследовали хаттский пантеон богов, так же восприняли и осетины нартскую мифологию черкесов. С другой стороны, как и хетты-несийцы, они обогатили свой словарный запас за счет аборигенов. В последующем на язык осетин, их материальную и духовную культуру могло оказать влияние соседство с нахско-дагестанскими народами; здесь речь может идти, скорее, об обоюдном культурно-языковом взаимопроникновении.

Е. И. Крупнов соотносил пору возникновения «мотивов» нартского эпоса с той эпохой, когда горцы Северного Кавказа еще «не раздробились на отдельные народности». Это было время, которое предшествовало распаду северо-кавказского праязыка, датируемого (А. С. Касьян, М. И. Зильберман) 3800 г. до н.э., т.е. ранним этапом майкопской культуры [27, с. 190]. Тогда нартская мифология в первоначальном, единообразном виде могла существовать и до указанной даты (3800 г. до н.э.), отголоски которой прослеживаются сегодня и в мифологии народов Южного Кавказа (сваны, мегрелы, рачинцы, хевсуры и др.). При этом самая насыщенная и содержательная информация эпоса продолжает сохраняться в сердцевине прежнего ареала майкопской, кубано-колхидской и меотской культур.

Несмотря на то, что первые письмены появились и бытовали уже в архаичную эпоху, отдельные знаки, пиктограммы и иероглифы, обозначающие слово или даже целую фразу, были недостаточны для детального освещения реалий той эпохи, передачи человеческих чувств, переживаний. Только живой язык как средство выражения мысли и эмоций, устная речь в виде фольклора способны были передать подробную информацию об окружающем человека мире и отобразить цельную картину ярких, значимых событий и образов, которые имели место в реальной действительности. Повествование нартской мифологии в сказочно-фантастическом жанре привлекает внимание и интерес людей всех возрастов и передается из поколения в поколение по сегодняшний день. Этим была достигнута живучесть эпоса как образца духовной культуры древности и источника знаний о далеком прошлом людей и в этом одно из проявлений мудрости наших далеких предков. Вместе с тем М. А. Кумахов, З. Ю. Кумахова и А. М. Гуттов обращают внимание на то, что за время своего продолжительного существования мифология обрела множество напластований; архаичные нарративы эпоса пополнились более поздним, средневековым – героико-историческим контентом [34, с. 1–22; 35, 177–194]. Передаваясь из уст в уста в течение многих тысячелетий, сказания могли не только наслаиваться друг на друга, но даже переплетаться, нарушив какую-то хронологию. Только адекватной, правильной интерпретацией фантазмагорических событий, сюжетов, сцен и эпизодов нартского эпоса можно выявить ту ценную научную информацию, которая закодирована в его художественных образах.

Доисторический период человечества был довольно продолжительным и явился самым большим испытанием для людей в их непрестанной борьбе за выживание в окружении разнообразных представителей дикой фауны, наводящих на них ужас. Воспоминания о тех страшных и опасных временах оставили самый глубокий след в народной памяти. Нарты в противостоянии с драконами, исполинами и карликами, восседая на коне, сражаются в доспехах с мечом в руках, применяют магию и проявляют фантастическую способность преодолевать высоты заоблачных пространств. Поэтому уже даже в более поздние времена, когда власть дикой природы над человеком отступила в область преданий, мифология надежно «вкладывает» в руки нартов железный меч в борьбе с самыми грозными и коварными врагами человечества далекого исторического прошлого (хотя металлическое оружие было изобретено значительно позже).

Не исключено, что одним из инициаторов выплавки металла (по крайней мере некоторых его видов) могла быть женщина, собирательный образ которой в мифологии олицетворяет мать нартов – Сатаней. Идею о сопричастности женщины к истокам металлургии, в аллегорическом подтексте, подсказывает и мифология. После того как камень «оплодотворяется» пастухом, именно Сатаней присматривает за камнем и затем приносит его кузнецу Тлепшу, который извлекает из него пылающего младенца, названного Сосруко. «Сын Камня» с той же

очевидностью являет собой метафорический образ таких понятий, как «продукт плавки» или «производный руды». Если в эпосе Сосруко подразумевается как железо-сырец, извлекаемый из *ша/са* – камня (руды, материала), то в ближневосточных мифах аналогичный герой рождается из скалы. Древнейшей технологией получения железа из руды считается т.н. тигельная плавка, а также методы выплавки в сыродутных печах, горнах. Непосредственно внутрь печи загружалась шихта, т. е. набор компонентов, необходимых для выплавки металла, куда входит наряду с рудой, в частности, уголь, мука, отруби и др., а также флюсы (добавки) – кремень, известь, доломит, песок и др. Подобные обстоятельства находят отражение и в фольклорных записях. Так, Сатаней отнесла домой камень и положила его «в ларь с отрубями», а когда он стал увеличиваться в размерах, положила его «в теплый очаг». Вместе с тем технология получения железа более сложная и трудоемкая, чем меди и бронзы. Появление Сосруко из камня соотносится с рождением из утробы матери: «Девять месяцев и девять дней пролежал камень в теплом очаге, и с каждым днем он становился все больше, все горячее. Он раскалялся, он пылал огнем»; мальчик, сидевший у очага, играл углями; «он бросал себе в рот горящие угли, а выплевывал потухшие». При этом кремнистая сталь отличается от углеродистой большей прочностью; после того как Сосруко с третьей попытки не удалось сдвинуть с места накопальню Тлепша, кузнец обращается к юнцу с советом: «Нет, Сосруко, ты видно еще дитя, еще не окреп. Вернись к матери, сиди у теплого очага и грызи свой кремень, – рано тебе думать о нарских делах» [20, с. 48].

Преобразование формы *сауэсыры* (по М. А. Кумахову) в элемент *соср* со смысловозначительной функцией, видимо, было продиктовано необходимостью конкретизировать и выделить в одном из адыг. диалектов название определенных руд из всей разновидности других пород. Это словообразование могло произойти задолго до нашей эры. По крайней мере, на периоды, засвидетельствованные совместными походами и миграциями кавказцев и ранних индоевропейцев на Ближний Восток и в Индию может приходиться появление героя тибетской и маздеанской мифологии Сосиош, аналогичного нарту Сосруко, с «характерным совпадением их подвигов, поступков и атрибутики вплоть до наличия уязвимой части тела» [36, с. 12; 37, с. 4]. В отдаленные периоды по таким же соображениям *сауэсыры* могла выделиться из более архаичной формы *шауэсыры* и употребляться параллельно до полного обособления.

Сосруко знаменует собой не только грядущую смену матрицентричного общества патриархальным, но и, как уже говорилось, символизирует исторический переход человечества из каменного века в век металла, а наряду с Тлепшем – культ железа и кузнечного ремесла. С этим переходом диалектически была связана и смысловая эволюция слов *ша/са*, изначально архаичных – каменных значений (*заряд, рубило, стрела, копье, нож и т.п.*) в поздние, современные – металлические (*нож, снаряд, пуля, патрон, боеприпас*).

Если для других нартов кремни являлись ложем, то для Сосруко – пищей. Необычное рождение героя и его неординарность могут олицетворять особый сплав железа с примесью (сталь, легированная кремнием), из которого он состоит, а также отражать наметившиеся (велением времени) перемены в социальном устройстве и устоях древненартского общества, связанные с процессами метисации. Положительные стороны этого явления на примере «полукровки» Сосруко выразились если не во внешности героя (незакаленные бедра могли сказаться на его походке), то в его удальстве. Он вызывает у других нартов пренебрежение и неприязнь в связи с его происхождением, с одной стороны, и чувство зависти к его героическим поступкам и подвигам – с другой. Проявление зависти, будучи только предметом осуждения людей, способно погубить изнутри любой народ с его великой историей. В нарративах эпоса просматриваются коллизии между старыми, устоявшимися воззрениями и новым, прогрессивным началом, которые наводят на социально-философские размышления.

Подводя итоги, укажем на основные причины и предпосылки семантических преобразований архаизмов *ша/са* в контексте развития общественных формаций и смены двух важных исторических эпох. Условия примитивной и враждебной среды обитания отразились в скудном словарном запасе предков, который был ограничен употреблением самых важных,

жизненно необходимых слов, главным образом, лаконичных, многозначных, с характерным синкретизмом. Одним из таких слов было *ша/са*, означавшее каменные предметы, с еще не расчлененным смысловым содержанием: «камень-заряд-нож». Другими сохранившимися архаизмами являются: *шэдз – шадз* (праща) означает букв. «камнемет», где *шэ – ша* – «камень, заряд и др.», *дз* – «кидающий, бросающий»; *Іэцэ – аща* – «оружие», где *Іэ – а* – «рука; *шэцхэ – шаиха* – «наконечник стрелы», где *ша* – «заряд» (арх. каменный или металлический), *шха* – «голова, головная часть, макушка и т.п.» и др.

В культурах Кавказа раннего железного века изготовленные из железа предметы продолжали копировать каменные и бронзовые образцы со знаком доминанты рубяще-колюще-режущего оружия – топоров, мечей, кинжалов, копий и т.п. Следовательно, когда оружие стало металлическим, в слове *ша/са* с синтезированными понятиями «камень-заряд-нож» стало утрачиваться значение «камень» синхронно с процессами эпохальных перемен, связанных с переходом к металлу и, в частности, к железу. Такие лингвистические метаморфозы образно можно сравнить с живым организмом, способным в эволюционном развитии со временем сохранять и обретать одни свойства и утрачивать другие.

Архаичное *шауэс(р)* или *сауэс(р)* имеет двойное толкование. Поскольку семь металлов древности, в т.ч. и железо, рассматривались как особые породы «каменей» небесного происхождения [23, с. 32] и почти все железные орудия ранней бронзы делались из метеоритов, то *шауэс(р)*, в широком смысле слова, мог означать «небесный, горящий камень». С другой стороны, в сказаниях отражается инновация – технологический процесс получения железа из руды (каменей); и тогда это слово определенно может указывать на руду, обогащенное рудное сырье, из которого выплавляется железо. Такое совпадение может объясняться омонимичными значениями адыг. форманта *уэ* – «небесный, воздушный, град» и т.п., с одной стороны, и «бьющий, ударяющий, разваленный, разрушенный» (*уэ* и *кэуэ*) – с другой (например, рушенные камни, руда, флюсы). Вместе с тем металлы обладают рядом общих свойств и в особенности железо «небесное» и «земное», что могло предопределить переход к инновации *сос(р)*, имеющей отношение уже к рудной (черной) металлургии. На состояние и цвет металла может указывать в сказаниях вариант эпонима *СосрыкьуатцІэ* [5, с. 52, 53], где эпитет *цІэ* (охлажденный, застывший; потемневший) этимологически связан с однокоренным, отглагольным адыг. словом *цІыг* (мин. руда).

Ряд источников относит самую раннюю датировку широкого производства и применения рудного железа к рубежам 3-2 тыс. до н.э. с основными очагами в ареале хатто-анатолийского, кавказского и балканского населения. В культурах бронзового века они составляли Циркумпонтийскую металлургическую общность. В том же ареале обнаружено наибольшее количество археологических находок в виде разнообразных артефактов, изготовленных из железа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В термине *Соср(у)ко* начальная *сос/соср*, производная от арх. формы *сауэср*, означает «камень горящий, пылающий», исторически переосмысленный из камня «небесного» (метеорита) в «земной» (руду); конечная *ко* (*кэуэ*) означает «сын».

2. Однозначное слово *мыва* (камень) сменило синкретическое *ша/са*, которое вследствие частичной редукции утратило семантику «камень», но сохранило обособленные понятия «нож» и «заряд», переосмысленные из каменных значений в металлические.

3. Отглагольное *цІыг/цІуи* (руда) – относительно позднее лексическое образование, поскольку в архаический период истории понятие «руда» не было дифференцировано, как и «метеорит», и еще не выделилось из традиционного понятия «камень».

4. В силу полисемии, многозначности лексических элементов сложная эпическая форма *СосрыкьуатцІэ* в развернутом виде интерпретируется как «Сын горящего, пылающего Камня, охлажденный и застывший, закаленный и окрепший».

Таким образом, мифический образ «железноглазого» Сосруко – это одухотворенное воплощение закаленной стали, полученной в процессе тепловой обработки железной руды. Имя героя варьируется в языках и диалектах различных этносов Кавказа, обнаруживая фонетические и морфологические свойства, обосновывающие адыгскую народную этимологию и семантику эпонима. Подтверждается это и результатами настоящего исследования: *Саусэрыкъо/Сосрыкъуэ* означает «Сын горящего, пылающего камня», а с указанием на вид камня – «Сын железноносного камня» или просто «Сын Камня», как в упрощенной форме растолковала мать нартов Сатаней старухе Барымбух.

С учетом изложенной информации и во избежание разночтений и непродуктивных споров, которые делятся десятки лет относительно семантики и этимологии эпонима Сасрыко/Сосруко, необходимо постулировать его интерпретацию в адыгской редакции, т.е. в оригинале, что благотворно повлияет на разрешение целого комплекса застарелых дискуссионных вопросов и проблем как в мифологии, так и в этнографии и историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабардино-черкесско-русский словарь / под ред. Б. Ч. Бижоева / Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.
2. *Биццо Б. Ч.* Адыгэбзэм и псалъэгъэнахуэ. Налшык: Эльбрус, 2015. 372 с.
3. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Нальчик: Эль-фа, 1995. 559 с.
4. *Куашев Б. И.* Стихосложение нартского эпоса. Тхыгъэхэр. Т. 2. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. 203 с.
5. Нарты. Адыгский героический эпос / *Шортанов А. Т.* Нартский эпос адыгов. Москва: Наука, 1974. 415 с.
6. *Миллер В. Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1882. 672 с.
7. *Dimezil G.* Les legends sur les nartes. Paris, 1930. 216 p.
8. *Абаев В. И.* Нартовский эпос // Известия СОНИИ. Дзауджикау: Северо-Осетинское государственное издательство, 1945. 118 с.
9. *Абаев В. И.* Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. 336 с.
10. *Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1982. 106 с.
11. Всемирная история. Москва: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 746 с.
12. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. 303 с.
13. *Гаглойти Ю. С.* Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977. 210 с.
14. *Ардзинба В. Г.* К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. Москва: Наука, 1988. 338 с.
15. *Иванов В. В.* Проблемы истории металлов на древнем Востоке в свете данных лингвистики // Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1976. № 4(75). С. 76–84.
16. *Таказов Ф. М.* Связь мифонима Сослан с архетипом солнца в нартском эпосе осетин // Известия СОИГСИ. Вып. 14(53). 2014. С. 55–62.
17. *Кумахов М. А., Кумахова З. Ю.* Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. Москва: Наука, 1985. 223 с.
18. *Гутов А. М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: КБИГИ, 2009. 228 с.
19. *Гадагатль А. М.* Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар: Книжное издательство, 1967. 422 с.
20. Нарты. Кабардинский эпос. Москва: Гослитиздат, 1957. 523 с.
21. *Хабичев М. А.* Взаимовлияние языков народов Северного Кавказа. Черкесск: Кара-чаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1980. 152 с.

22. *Кумахов М. А.* К этимологии имени основного героя адыгского и абхазского эпоса. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. Москва: Наука, 1969. 551 с.
23. *Черноусов П. И., Мапельман В. М., Голубев О. В.* Металлургия железа в истории цивилизации. Москва: МИСиС, 2005. 423 с.
24. *Абаев В. И.* Проблемы нартского эпоса // *Нартский эпос: Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. 234 с.*
25. *Алиев И. И., Алиева З. И.* Карачаево-балкарские имена и фамилии. Толковый словарь. Москва: Педагогика, 2003. 239 с.
26. *Алиева З. И.* Основные закономерности формирования карачаево-балкарской антропонимии. Москва: Институт языкознания РАН, 2011. 212 с.
27. *Касьян А. С.* Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики. Москва: Институт языкознания РАН, 2015. 445 с.
28. *Крупнов Е. И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // *Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. Москва: Наука, 1969. 551 с.*
29. *Абаев В. И.* Типология армянского и осетинского языка и кавказский субстрат. Избранные труды. Владикавказ, 1995. Т. 1. С. 481.
30. *Балкаров Б. Х.* Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик: Нарт, 1991. 127 с.
31. *Алиев У.Д.* Кара-Халк. Карахалк – черный народ. Очерки исторического развития горцев Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 77 с.
32. *Тресков И.В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1963. 341 с.
33. *Балановская Е. В., Агджоян А. Т., Черкасов Н. А., Почешхова Э. А.* и др. В поисках аланского следа: генетическая история Северного Кавказа по полногеномным данным об аутосомном генофонде // *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2022. № 3/2022, С. 48–62.*
34. *Кумахов М. А., Кумахова З. Ю.* Нартский эпос: язык и культура. Москва: Наследие, 1998. 312 с.
35. *Гутов А. М.* Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: Принт Центр, 2018. 262 с.
36. *Бгажноков Б. Х.* Кассито-абхазо-адыгские культурно-языковые параллели // *Вестник КБИГИ. 2014. Вып. 1(21). 117 с.*
37. *Адыгов Т.* Слог священного санскрита // *Газета Юга. 2015. 27 авг. (№ 35). С. 4.*

Информация об авторе

Вороков Анзор Кушумзукович, мл. науч. сотр. лаборатории «Цифровая палеография» научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии», Кабардино-Балкарский научный центр РАН; 360010, Россия, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2.

REFERENCES

1. *Kabardino-cherkessko-russkiy slovar'* [Kabardino-Circassian-Russian dictionary]. Edited by V. Ch. Bizhoeff. Nalchik: El'brus, 2008. 704 p. (In Russian)
2. Bischio V.Ch. Adygebzem and psalegenahue [Sources of Kabardin language]. Nalchik: El'brus, 2015. 372 p. (In Kabardin)
3. Narthar. Kaberdei epos [Narts. Kabardin epic]. Nalchik: El'-fa, 1995. 559 p. (In Kabardin)
4. Kuashev B.I. *Stikhoslozheniye nartskogo eposa* [Versification of the Nart epic]. Tygyeher. Nal'chik: Kab-Balk. kn. izd., 1966. Vol. 2. 203 p. (In Russian)
5. *Narty. Adygskiy geroicheskiy epos* [Narts. The Adyghe heroic epic] / Shortanov A.T. The Nart epic of the Adygs. Moscow: Nauka, 1974. 415 p. (In Russian)

6. Miller V.F. *Cherty stariny v skazaniyakh i byte osetin* [Features of antiquity in the legends and everyday life of Ossetians]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1882. 672 p. (In Russian)
7. Dumézil G. *Les legends sur les nartes*. Paris, 1930. 216 p.
8. Abaev V.I. *Nartovskiy epos* [Narts' epic]. *Izvestiya SONII*. Dzaujikau: Severo-Osetinskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1945. 118 p. (In Russian)
9. Abaev V. I. *Etnogenez osetin po dannym yazyka* [Ethnogenesis of Ossetians according to the language data]. *Origin of the Ossetian people*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1967. 336 p. (In Russian)
10. Abaev V.I. *Nartovskiy epos osetin* [Narts' epic of Ossetians]. Tskhinvali: Iryston, 1982. 106 p. (In Russian)
11. *Vsemirnaya istoriya* [World History]. Moscow: Gospolitizdat, 1955. Vol. 1. 746 p. (In Russian)
12. Kuznetsov V. A. *Essays on the Alan history*. Ordzhonikidze, 1984. 303 p. (In Russian)
13. Gagloiti Yu.S. *Nekotoryye voprosy istoriografii nartskogo eposa* [Some questions of historiography of the Nart epic]. Tskhinvali: Izdatel'stvo Iryston, 1977. 210 p. (In Russian)
14. Ardzinba V.G. *K istorii kul'ta zheleza i kuznechnogo remesla (pochitaniye kuznitsy u abkhazov)* [To the history of the cult of iron and blacksmithing craft (veneration of the forge among the Abkhazians)]. *Drevniy Vostok: etnokul'turnyye svyazi*. Moscow: Nauka, 1988. 338 p. (In Russian)
15. Ivanov V.V. *Problems of the history of metals in the ancient East in the light of linguistics data*. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal AN ArmSSR* [Historical and Philological Journal of the Academy of Sciences of the Armenian SSR]. 1976. No. 4(75). Pp. 76–84. (In Russian)
16. Takazov F.M. *The connection of the mythonym Soslan with the archetype of the sun in the Nart epic of Ossetians*. *Izvestiya SOIGSI*. No. 14(53). Vladikavkaz, 2014. Pp. 55–62. (In Russian)
17. Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. *Yazyk adygskogo fol'klora: Nartskiy epos* [The language of Adyghe folklore: The Narts' Epic]. Moscow: Nauka, 1985. 223 p. (In Russian)
18. Gutov A.M. *Narodnyy epos: traditsiya i sovremennost'* [Folk epic: tradition and modernity]. Nalchik: KBIGI, 2009. 228 p. (In Russian)
19. Gadagatl A.M. *Geroicheskiy epos «Narty» i yego genezis* [Heroic epic "Narts" and its genesis]. Krasnodar: Knizhnoye izdatel'stvo, 1967. 422 p. (In Russian)
20. *Narty. Kabardinskiy epos* [Narts. Kabardin epic]. Moscow: Goslitizdat, 1957. 523 p. (In Russian)
21. Khabichev M.A. *Vzaimovliyaniye yazykov narodov Severnogo Kavkaza* [Mutual influence of the languages of the peoples of the North Caucasus]. Cherkessk: Karachayev-Cherkesskoe otdelenie Stavropolskogo knizhnogo izdatel'stva, 1980. 152 p. (In Russian)
22. Kumakhov M.A. *K etimologii imeni osnovnogo geroya adygskogo i abkhazskogo eposa. Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza* [On the etymology of the name of the main hero of the Adyghe and Abkhazian epos. Tales of the Narts epic of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka, 1969. 551 p. (In Russian)
23. Chernousov P.I., Mapelman V.M., Golubev O.V. *Metallurgiya zheleza v istorii tsivilizatsii* [Metallurgy of iron in the history of civilization]. Moscow: MISiS, 2005. 423 p. (In Russian)
24. Abaev V.I. *Problemy nartskogo eposa* [Problems of the Narts epic]. *Nartskiy epos: Materialy soveshchaniya 19-20 oktyabrya 1956 g.* [Nart epic: Materials of the meeting on October 19–20, 1956]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1957. 234 p. (In Russian)
25. Aliev I.I., Alieva Z.I. *Karachayev-balkarskiye imena i familii. Tolkovyy slovar'* [Karachay-Balkar names and surnames. Explanatory dictionary]. Moscow: Pedagogika, 2003. 239 p. (In Russian)
26. Alieva Z.I. *Osnovnyye zakonomernosti formirovaniya karachayev-balkarskoy antropimii* [Basic regularities of the formation of Karachay-Balkar anthroponymy]. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 2011. 212 p. (In Russian)
27. Kasyan A.S. *Klinopisnyye yazyki Anatolii (khattskiy, khurrito-urartskiy, anatoliyskiy): problemy etimologii i grammatiki* [Cuneiform languages of Anatolia (Khatt, Hurrian-Urartian, Anatolian): problems of etymology and grammar]. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 2015. 445 p. (In Russian)

28. Krupnov E.I. *O vremeni formirovaniya osnovnogo yadra nartskogo eposa u narodov Kavkaza* [About the time of the formation of the main core of the Narts epic among the peoples of the Caucasus]. *Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza* [Tales of the Narts – the epic of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka, 1969. 551 p. (in Russian)
29. Abaev V.I. *Tipologiya armyanskogo i osetinskogo yazyka i kavkazskiy substrat. Izbrannyye trudy* [Typology of the Armenian and Ossetian languages and the Caucasian substratum. Selected works]. Vladikavkaz, 1995. Vol. 1. 481 p. (In Russian)
30. Balkarov B.H. *Adygskkiye elementy v osetinskom yazyke* [Adyghe elements in the Ossetian language]. Nalchik: Nart, 1991. 127 p. (In Russian)
31. Aliev U.D. “Kara-Halk”. *Karakhalk – chernyy narod. Ocherki istoricheskogo razvitiya gortsev Kavkaza* [Karakhalk means a black people. An essay on the historical development of the mountaineers of the Caucasus]. Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2015. 77 p. (In Russian)
32. Treskov I.V. *Fol'klornyye svyazi Severnogo Kavkaza* [Folklore connections of the North Caucasus]. Nalchik: El'brus, 1963. 341 p. (In Russian)
33. Balanovskaya E.V., Agdjoyan A.T., Cherkasov N.A., Pocheshkhova E.A. et al. In search of the Alan trace: the genetic history of the North Caucasus according to genome-wide data on the autosomal gene pool. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Series XXIII. Anthropology, 2022. No. 3/2022. Pp. 48–62. (In Russian)
34. Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. *Nartskiy epos: yazyk i kul'tura* [Nart epic: language and Culture]. Moscow: Naslediye, 1998. 312 p. (In Russian)
35. Gutov A.M. *Problemy adygskogo (cherkesskogo) nartskogo eposa* [Problems of the Adyghe (Circassian) Nart epic]. Nalchik: Print Tsentr, 2018. 262 p. (In Russian)
36. Bgazhnokov B.H. Kassito-Abkhaz-Adyghe cultural and linguistic parallels. *Vestnik KBIGI* [Bulletin of KBIHR]. 2014. No. 1(21). 117 p. (In Russian)
37. Adygov T. *Slog svyashchennogo sanskrita* [The wording of sacred Sanskrit]. *Gazeta Yuga*. 2015. Aug. 27 (No. 35). p. 4. (In Russian)

Information about the author

Vorokov Anzor Kushumzukovich, Junior researcher of the laboratory "Digital paleography" of the scientific and innovative center "Natural scientific methods in archeology, anthropology and archeography" of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;
360010, Russia, Nalchik, 2 Balkarov street